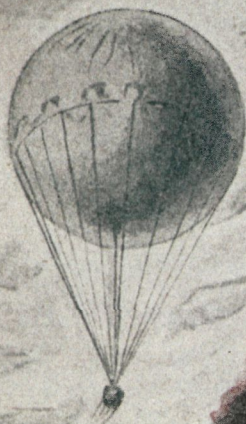

Н. ШПАНОВ

ПОЛЕТ

В ЛЕСНЫЕ ДЕБРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АННАХИН»
МОСКВА 1926

ПОПРАВКА: На 4 стр. последний абзац, с 4-й строки снизу следует читать:

„ . . . не нуждается ни в каких аэродромах для совершения полета, и наполнение его газом может быть произведено в любом пункте. Этими обстоятельствами и объясняется такое “

НИК. ШПАНОВ

НАШ ПОЛЕТ В ЛЕСНЫЕ ДЕБРИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И. А. ФЕЛЬДМАНА

Издательство Союза
Авиахим СССР и Авиахима РСФСР
МОСКВА 1926

Отпечатано в типографии
АВНОИЗДАТЕЛЬСТВА,
Улица Разина, 5.
Главлит № 71530.
Тираж 3.000 экз.

Вторые Всесоюзные воздухоплавательные состязания.

Исключительно быстрые успехи авиации и управляемого воздухоплавания создали у широких масс убеждение, что свободное воздухоплавание утратило всякий смысл, всякое значение. На свободный аэростат, в просторечии „пузырь“, смотрят сейчас с каким-то пренебрежением, иронически, как на никому ненужный пережиток стародавних времен, как на курьез, используемый любителями сильных ощущений для совершения головокружных полетов.

А между тем, это далеко не так.

Как великое изобретение Фультона и наличие морских гигантов не избавило нас от необходимости прибегать к помощи гребной лодки, так и самолет не смог убить свободного аэростата.

Развитие управляемого воздухоплавания, располагающего мощными дирижаблями, невозможно без свободного воздухоплавания.

Прежде всего, сферический аэростат это,—школа для будущих экипажей управляемых кораблей.

Сферический аэростат это,—пожалуй, единственное средство, позволяющее в совершенстве изучить атмосферу и во всех деталях познать ее природу и управляющие ею законы. Поэтому свободный аэростат до настоящего времени пользуется совершенно исключительным уважением геофизиков, т.-е. ученых, занятых изучением и исследованием свойств атмосферы. Наконец, для всякого ясно, что немыслимо развитие в стране воздухоплавания вообще, если воздухоплавательный спорт не будет привит ее населению. Это прекрасно было понято Германией, в которой свободному воздухоплаванию, как спорту, было отведено в прошлом и отводится сейчас исключительное внимание. Этим и об'ясняются в значительной степени большие успехи немцев в области дирижаблестроения и управляемого воздухоплавания.

Секрет того, что воздухоплавание привлекает к себе большое число спортсменов, заключается в том, что полет на свободном аэростате не может быть сравнен ни с каким иным видом путешествия по исключительности и красоте впечатлений, даваемых пассажирам.

Кроме того, сферический аэростат является очень несложным аппаратом в смысле управления, не требует огромных ангаров для своего хранения, не нуждается ни в каких аэродромах для совершения полета и что наполнение его газом может быть произведено в любом пункте, то станет совершенно понятным, чем об'ясняется такое

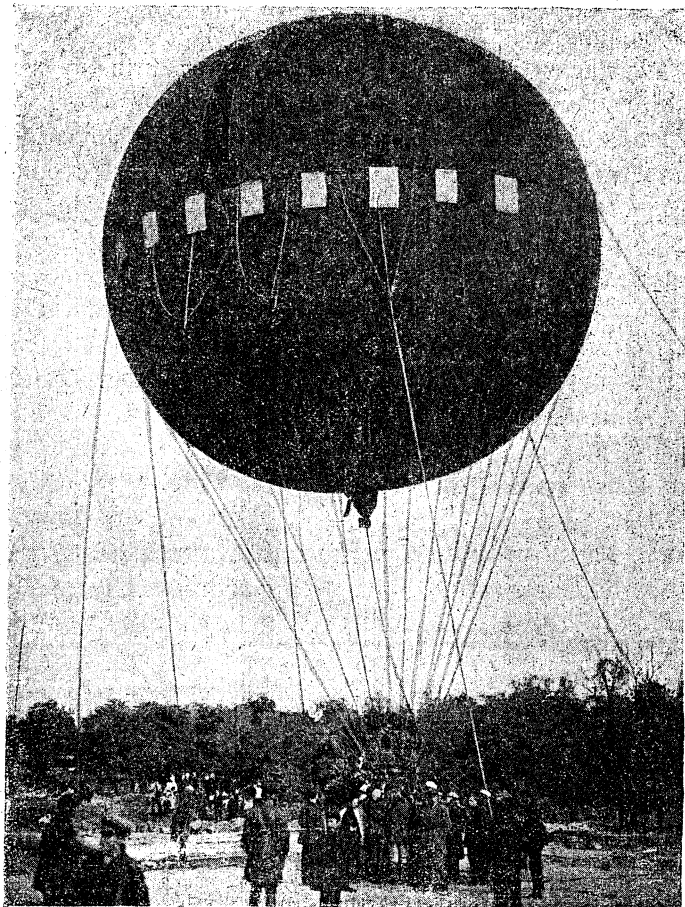

Рис. 1. Аэростат „Союз Авиаким СССР“
перед вылетом.

широкое развитие свободного воздухоплавания за границей.

У нас в Советском Союзе мы не могли до сих пор уделить достаточно внимания свободному воздухоплаванию, так как заняты были другими, более актуальными сторонами авиационного строительства. Это, однако, отнюдь не значит, что на свободном воздухоплавании поставлен крест. Наша задача для данного момента—сохранить те кадры воздухоплавателей, которые у нас имеются, с тем, чтобы по мере общего экономического укрепления страны этот полезный и нужный вид воздушного спорта занял и у нас то место, которое ему отведено по праву за границей.

Исходя из этих соображений, Общество Друзей Воздушного Флота еще в 1924 году организовало Первые Всесоюзные воздухоплавательные состязания, обнаружившие, что наши воздухоплаватели не дремлют, а продолжают работу по само-совершенствованию.

12 сентября этого года Союз Авиаким СССР вторично организовал воздухоплавательные состязания и, несмотря на то, что в состязаниях могли принять участие всего лишь пять оболочек, а фактически вылетели на состязания четыре, мы имеем такие достижения, которыми могли бы гордиться любые заграничные состязания.

Вопреки предсказаниям аэрологов, сообщивших о том, что аэростатам предстоит идти с ветрами совершенно незначительной скорости (до 4—5 ме-

Рис. 2. Пилот аэростата „Союз Авиаким СССР“ проф. М. Н. К а н и-
щ е в (X) и помощник пилота Н. Н. Ш п а н о в (XX).

тров в секунду), все шары с места попали в довольно сильный ветер, несмотря на то, что шли на различных высотах. Затем скорость ветра еще повысилась, и в отдельных местах аэростаты неслись со скоростями до 90 км.

У нас есть все основания утверждать, что только скверное качество газа, не позволившее забрать нормальное количество балласта, не дало возможности развить достижения настоящих состязаний в совершенно исключительные не только для нас, но и для всех заграничных состязаний. Все аэростаты шли до полного израсходования балласта, составлявшего менее половины нормального запаса. Лишь один аэростат пилота Федосеенко („Авиахим СЗО“) не израсходовал своего балласта и мог продолжать полет. Его заставила сесть гроза. По абсолютной дальности полета тов. Федосеенко занимает первое место. По пройденному расстоянию (по прямой от Москвы) аэростаты занимают следующие места: Аэростат 1.437 куб. метров „Авиахим СЗО“, пилот Федосеенко, помощник пилота Елифтерьев—1.003 километра; аэростат 1.437 куб. метров „Союз Авиахим СССР“ пилот Канищев, помощник пилота Шпанов—923 километра; аэростат 2.000 куб. метров „ОСО Академии возд. флота“, пилот Карелин, помощник Ланкман—817 км.; аэростат 640 куб. метров „Мосавиахим“, пилот Константинов—436 км.

Аэростат Союза Авиахим СССР под управлением проф. М. Н. Канищева и автора настоящей

брошюры тов. Н. Н. Шпанова не получил классного места в результате состязаний, несмотря на высокие качества полета, т. к. его экипаж вынужден был нарушить правило регламента. Попав в невероятно тяжелые условия, аэронавты не доставили в Москву своего барографа, будучи вынужденными бросить его в пуги.

Предлагаемая брошюра и представляет собою описание исключительно интересного полета аэростата „Союз Авиаким СССР“ и последующих злоключений экипажа в лесах далекого Севера.

Брошюра дает читателю представление о тех трудностях, на которые идут воздухоплаватели в свободном полете.

Мы уверены, однако, что никакие трудности не остановят красных воздухоплавателей на пути к совершенствованию и пополнению своих знаний. Мы уверены, что при поддержке организованной советской общественности в лице Авиакима свободное воздухоплавание, как спорт, найдет в ближайшем будущем широкое распространение в СССР.

И. Фельдман.

І. ПОЛЕТ.

Крепкий, точно рубящий слова, голос:

— Дать свободу!

— Вынуть поясные!

И восхищенно - растерянные физиономии мальчуганов. тесным кольцом обступивших старт, уходят вниз. Сердце болит глядя на то, как с места в карьер Канищеву приходится травить балласт, чтобы не напороться на мачты радио, так нехотят плывущие нам навстречу. Но вот и они уже в стороне. Теперь мы на чистом пуги. Внизу плывет в каких-нибудь двух метрах Москва, отчетливо кричащая гудками авто и уходящими быстро шумами трамваев.

В самое сердце Красной столицы врезались своими четкими щупальцами железные дороги. Пересекаем одну за другой несколько линий.

Меньше домов, больше деревьев; тусклой желтоватой листвы, спаленной дымным дыханием заводов, буро-красными коробками обступивших город. Но кончаются и они. Свежеют деревья, свободней тянутся к небу их зеленые шапки и расплывчатые пригороды Москвы тонут в буйной зелени садов.

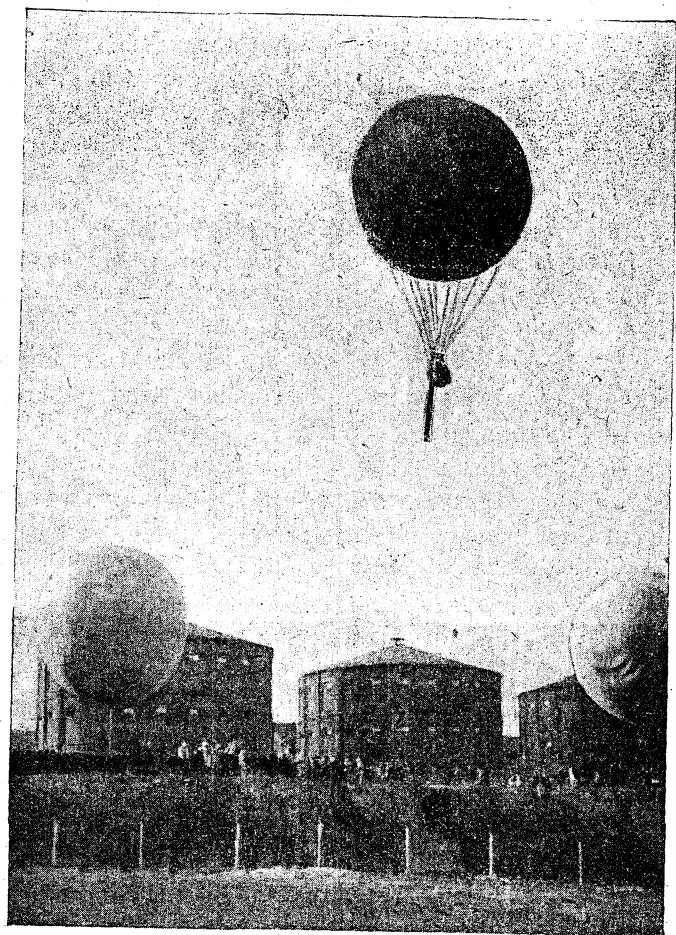

Рис. 3. Взлет аэростата „Союз Авиаким СССР“.

Как браслетом отрезает „пределы города“ Окружная дорога, и мы за границами столицы.

Канищев не отрываясь следит за приборами, время от времени посылая за борт совок балласта. Над Окружной дорогой он коротко бросает мне:

— Гайдроп! ¹⁾

— Есть гайдроп.

Вытравить за борт пятипудовый корабельный канат не штука, а штука сделать это так, чтобы сам Канищев не заметил толчка, когда гайдроп повиснет на обруче. Фут за футом уходит гайдроп к земле. На руках кровавые пузыри. Но сделано чисто.

— Гайдроп вытравлен!

— И свидетельствую вытравлен прекрасно.

Однако, разговоры в сторону. Дела достаточно. Берусь за бортовой журнал. Надо заносить данные каждые 15 минут.

„18 часов 12 минут, высота 200 метров. Курс 29 Норд-Норд-Ост.“ Температура 14 с половиной выше нуля“.

Из зеленой гущи деревьев, с желтых прогалин несутся задорные крики:

— Ей, дядя, садись! Са-а-ди-ись к нам...

Внимательно гляжу вниз на конец гайдропа; сверяюсь с компасом—курс 32 и ветер как-будто много быстрее, чем предсказанный нам метеорологами. Идем с вполне приличной скоростью

¹⁾ Гайдроп—толстый канат, длиною 80 метров, выпускаемый за борт для уравнивания аэростата при посадке.

в 40—45 километров, вместо predeterminedенных жрецами погоды десяти.

Проплыли над Пушкиным. В стороне осталось Софрино. В сумерках маячат редкие дачники.

Массивная фигура Канищева все так же молча торчит в своем углу у приборов. Нет-нет, да постучит он ногтем по стеклам, отгоняя раздумье от стрелок.

Беспредельно далеко и как-то совсем точно рядом на западе пылают последние лучи заката. Вернее, даже не лучи, а просто темнорозовое зарево, какого никогда никто не видит с грешной земли. Пыль, дым навсегда закрыли от людей чистоту вечного светила и люди никогда не видят его в истинной красе. А оно бесподобно красиво в эти минуты, когда шлет свой последний прощальный привет, застилая розовым золотом лиловые дали. И провожает его тишина. Такая тишина, какой не бывает на земле.

Быстро тускнеет запад. Из розового он превратился уже в лиловый. Потом темносерая мгла затянула все небо. И вот уже почти совершенно темно. Без помощи карманного фонаря нельзя разобратся в приборах. Только его белый луч выхватывает из мрака темные коробки альтиметра и барографа ¹⁾. Мелькнет в серебре электричества

¹⁾ Альтиметр—прибор высотомер; барограф—прибор, записывающий на полете высоту полета, по ленте барографа (барограмме) можно проследить весь полет.

циферблат часов, и снова все погружается в полную чернильного мрака ночь.

— Закурим?!

Вынимаю из сумки банку с монпасье — „наши папиросы“. Принимаемся дружно жевать его.

В десятке километров на Норд остаются огни Сергиева. Небольшая группа довольно ярких, мигающих желтых глазков, вкрапленных в черный бархат лесистых далей.

Курс склоняется все больше на Ост. Вместо черного бархата лесов под аэростат подбегает тускло-серая гладь огромного озера.

Вправо совсем недалеко бисерным венцом горит Переяславль-Залесский.

Полег уже вполне установился. Можно закутить. Идем все той же скоростью под курсом 33—34 Норд-Норд-Ост. Внизу непросветная тьма. Только изредка промерцает мимо одинокий глазок в какой-нибудь сонной деревушке, и снова точно внизу нет ничего.

Под резким глазом фонаря карта, лежащая у меня на коленях, кажется светлозеленым ковром. Леса, леса без конца. Твердой черной стрелой вонзается в них моя курсовая черта и упирается прямо в Ростов. И действительно через несколько минут впереди на Норд-Осте ярким пятном вырисовываются его огни. Подходим к городу. Царит полная тишина.

— Алло, алло, город Ростов!.. Алло, алло, город Ростов!.., но зычный рупорный зор не имеет

Рис. 4. Пилот аэростата „Мосавиахим“—Константинов (1).
 Пилот аэростата „Авиахим Сев.-Зап. Области“ (2). Пилот
 аэростата „ОСО Военно-Воздушной Академии“ (X) и его
 помощник—Ланкман (XX) (3).

ответа, Ростов спит. Только из самого центра, с пятна затененных деревьями ярких фонарей доносятся звуки оркестра—бравурным маршем запоздалые ростовцы стараются отогнать охватывающий их спозаранку провинциальный сон. Мирно плещется в сонную набережную огромное озеро. И на нем никакого движения.

Теперь уже, судя по карте, рукой подать до Ярославля. Через каких-нибудь полчаса убеждаемся в том, что это так и есть. Прямо на нас идет светлоголубое зарево мерцающих тысячью глазок ярославских огней.

Но в чем же дело? Почему вся масса огней не приближается к нам, а как-будто уходит куда-то влево? Справляюсь с компасом и вижу, что ветер резко меняется здесь и курс круто склоняется на Ост. Приближаемся к Волге, но вместо того, чтобы ее пересечь, идем вдоль ее левого берега и даже уклоняемся на Зюд.

Курс быстро переходит на 50, 60, 70 и продолжает склоняться на Ост.

— В чем там дело, Николай Николаевич? Что за прелестная улица тут влево от нас?

— Волга, Михаил Николаевич.

И действительно, как улица хорошего города, сверкает под нами огнями фарватера Волга. И между ними от огонька к огоньку, шлепая колесами, ползет пароход. Два ряда горящих огнями палуб отражаются в темной воде и блики бегут в стороны по зыбящейся от парохода воде. Но вот

все это остается на Норд. Мы опять в темноте. Только далеко на Норд-Ост горит теперь Кострома.

Склоняюсь над дрожащей фосфорной линейкой компасной стрелки—курс уже 95. Снова из-под гайдропа показывается улица волжских огней. На этот раз мы идем ей вразрез и, оставив вправо тусклые огоньки набережной городка Плесса, уходим снова на Норд-Ост. Где-то очень далеко на Зюд-Зюд-Ост остается утонувшая едва заметными бликами в черной бездне Кинешма. Погружаемся в совершенно непроглядную темень.

Какою-то странною нереальностью веет от доносящихся с земли, из непроглядной темени, двенадцати длинных ударов колокола. Полночь.

А кругом тишина. Слабо, доносится с черной земли шорох гонимых ветром по лесу лиственных волн.

— Хорошо, Михаил Николаевич.

— Да, хорошо, кто раз полетел, захочет лететь во второй.

В полном безмолвии время бежит в темноту.

— Ну, однако, делается, что-то свежо; вероятно, скоро рассвет. Надо доставать фуфайку.

И через пять минут широкая спина в белой фуфайке снова загородила от меня доску с приборами. Ноготь меланхолически постукивал по стеклу, будя заснувшие стрелки анероидов. Тьма уходила. Делалось холодно-серо, и сквозь серую мглу проступали снизу леса. Зеленая гуща де-

ревьев, подернутая сильною ржавчиной осени, расступалась иногда только для того, чтобы дать место узенькой желтой прогалине полянки.

Столбик ртути в термометре упал на четыре деления и перо барографа заметно пошло на снижение.

Прошло не больше часа в серой предрассветной мути, как из-за груды темных облаков на востоке проглянули яркочерные лучи дневного светила. Увы,—не надолго. Сразу же его согнали обратно тяжелые серые тучи. В 4 часа 16 минут по полуночи день вступил в свои права. После необычно теплой ночи, мы сразу почувствовали его неприветливые об'ятия. Легкий холодок стал забираться под воротник тужурки и неприятно щекотать позвонки.

Шум ветра в вершинах деревьев доносится все более и более явственно. По тому, как гнутся стволы, можно судить о скорости ветра, по крайней мере, метров в 12 даже у земли.

Мало-по-малу пейзаж несколько разнообразится маленькими деревушками, приютившимися на юру, около узких извилистых речек.

Надо воспользоваться присутствием там внизу нескольких белых и красных рубах:

- Ка-а-ка-я губе-е-рния?
- Куды летишь?
- Губерния какая?..
- Садись к нам...
- Отвечайте же, черт побери, какой уезд?..

— Никольской... Северо-Двинской...

Ага, Никольский уезд, Северо-Двинской губернии. Значит, курс нанесен за ночь правильно.

Следующий час проходит в борьбе с непреклонным желанием аэростата итти к земле. Балласта у нас непомерно мало. За борт летят пустые бутылки от нарзана. Туда же следует срезанная взмахом финского ножа скамейка, наше единственное прибежище в корзине. Несколько совков песку окончательно преодолевают упрямство аэростата, и гайдроп перестает чертить по траве. Внизу один за другим проходят извилистые рукава реки—Юг. На земле никогда нельзя себе представить, даже при наличии карты, истинной картины течения такой реки, как этот Юг. Она завивается прихотливыми изгибами, десятки раз обходя одно и то же место. Рисунок гораздо больше походит на аграмант на рукаве какого-нибудь дамского пальто, чем на течение солидной реки.

Скорость нашего полета непрестанно увеличивается. Под нами настолько быстро пробегают селения, что мы не успеваем сговориться с жителями о месте нахождения. С большим трудом выясняем, что в 50 километрах на Норд лежит Великий Устюг, и как бы в подтверждение правильности этого сообщения перед глазами начинает поблескивать широкой лентой зеркальной поверхности река Сухона.

В прогалине леса показывается долгожданная линия железной дороги. Это—ветка на Котлас.

Теперь мы уверены в правильности ориентировки. Но возникает вопрос: дальше по карте в направлении полета на протяжении, по крайней мере, 200 километров не обозначено ни единой деревушки—сплошной и непрерывный лес. Балласта у нас уже почти нет. Протянем мы эти двести километров до Вычегды или нет?

— Ну, маэстро, ваше мнение?.. Садимся что ли, или еще протянем? Долго, предупреждаю, нам не выдержать. Вон эти кумулусы ¹⁾, в которые мы сейчас влетаем, мне совсем не нравятся. Ну, так как же?

Я молча взираю на собирающиеся около нас со всех сторон серые облака и раздумываю над созданным положением. Пока мы советуемся, линия железной дороги остается уже далеко сзади. Оба мы облегченно вздыхаем, от нас не потребовалось решения—умышленное затягивание привело к нужному результату: теперь уже садиться поздно, и волей-неволей надо еще тянуть.

Внизу глазу не на чем остановиться. Подернутые желтизной зеленые волны лесов тянутся, насколько хватает бинокль. Кое-где среди зелени мелькают неприглядные ржавые пятна болот, утыканные редкими почерневшими стволами деревьев. Вот показывается и еще какая-то река. На большом расстоянии друг от друга по берегу разбросаны крошечные деревушки. Веселым пятном вы-

¹⁾ Дождевые облака.

деляется белый квадратик монастырской ограды, тесно охватившей церковь и несколько крошечных келий с зелеными крышами. И снова впереди нет ничего. Расспросить последние деревушки ни о чем не удается. На наш зычный упорный голос никто не выходит. Точно вымерло все кругом. Не слышно даже обычного лая собак.

Вот исчезла вдаль и эта река, и под нами снова бесконечное зелено-желтое море лесов, почти без всяких прогалин. Проходит томительный час. Канищев не отрывается от приборов. Из-за его спины я вижу как предательская стрелка альтиметра, несмотря на бодрящее постукивание ногтя, неуклонно тянется вправо. За какой-нибудь час она сошла с 450 метров на 150 и совершенно неуклонно продолжает падать. Только бы не было дождя. Если его не будет, мы все-таки дотянем до поставленной цели: Усть-Сысольска.

Да, если не будет дождя... а так-как дождь уже идет, то нам предстоит здесь где-нибудь неизбежная посадка. Предательские кумулусы, образовавшиеся под нами два часа тому назад, теперь уже плачут над нашей головой. Из за их слез наш гайдроп уже чертит по верхушкам деревьев.

Мой бинокль обшаривает все кругом, и нигде ни одной спасительной прогалины. Придется садиться на лес. Быстро пристропливаю по углам корзины багаж. Срезаю с рейки часы и... не успев их засунуть в карман, кубарем лечу в угол корзины. Гайд-

роп захлестнул здоровый ствол. Крепкий хруст, и большая сосна, дернувшись нам вслед, повалилась на головы соседок. Один за другим трещат за нами стволы, и подергивание корзины свидетельствует о той большой лесозаготовительной работе, которую проделывает наш гайдроп.

— А ну-ка, Николай Николаевич, до смерти хочется пить. Не сумеете ли открыть бутылку нарзану?

Принимаюсь за трудную задачу: достать из сумки нарзан и открыть его, когда корзина то и дело проявляет усиленное желание вытряхнуть все содержимое и пассажиров за борт, это не так просто, как может показаться со стороны. Наконец, бутылка у меня в руке. Уцепившись за борт, Канищев жадно опустошает бутылку. Из-за вершин передних сосен мелькает перед нами желтая прогалина, утыканная относительно редкими стволами деревьев. Садиться.

— На разрывное!

— Есть разрывное!

Всею тяжестью висну на красной возже разрывного полотнища ¹⁾. Щелкает карабин. Напрягаю все силы, чтобы отодрать разрывное. Однако и постарались же его приклеить. У меня уже нет больше в запасе ни единой дины, а раз-

1) Разрывное полотнище — часть оболочки аэростата, вырывающаяся при посадке для быстрого выхода газа.

рыва все нет. Видя мое положение, рядом со мной на возже повисает и Канищев. По его собственной оценке в нем «три пуда и восемьдесят пять фунтов», однако, и этого груза оказывается недостаточно. Выхода нет, бросаем разрывное и оба на клапан. Уже не хлопками, а непрерывным открытием стараемся избавиться от возможного количества газа. Но это не делается в одну минуту. Наша корзина как погремушка хлопает по вершинам деревьев. Аэростат, гонимый порывами резкого ветра, тянет по соснам все дальше и дальше от облюбованной нами прогалины. Наконец, у него нет уже сил тащить за собой засевший среди стволов гайдроп. Он озлобленно бьется, не оставляя ни на секунду в покое корзину и грозя выкинуть из нее все содержимое. Ценою ободранных рук мне удастся зачалить клапанную стропу за здоровый сук соседней сосны, и мы снова делаем попытку вскрыть разрывное, но все напрасно. Тогда мы решаем переложить эту работу на сам аэростат и в удобный момент накоротко зачаливаем и разрывную за дерево. Огромным желтым пузырем оболочка бьется в вершинах, плеская и громяхая своей толстой резиновой тканью.

Так или иначе, а посадка совершена. Обтираю кровь с ободранных рук и совершенно обессиленный опускаюсь на борт корзины, который служит нам теперь полом. А пол стоит за спиной совершенно отвесно. С удовольствием вижу, что все

приборы совершенно целы, только легкая трещина легла на стекло альтиметра. Все в порядке.

— Ну там видно будет, а пока айда покурить. Помогите-ка мне немного подтянуть гайдроп, чтобы приспособить его вместо лестницы с нашего третьего этажа.

Через пять минут грузная фигура Канищева уже скользит по гайдропу вниз и, коснувшись почвы, сразу уходит по колено в воду. Избранная нами для посадки прогалина оказалась просто гнусным болотом.

II. ПЯТЬ ДНЕЙ В ЛЕСНЫХ ДЕБРЯХ.

— Ну-с, итак решено, идем на северо-запад, пока не выберемся к реке. По карте совершенно ясно, что мы должны выйти к воде, держась такого направления. Вопрос только в том, как до нее далеко. Ведь в бинокль до последней минуты не было видно воды поблизости?

— Увы, — все сухо кругом. Если, конечно, не считать того, что мы сейчас стоим почти по колено в воде.

— А что, маэстро, ведь дело в общем табак с провиантом-то. Что вы, как завхоз, имеете пред'явить?

— Восемь бутербродов, полфунта печенья, плитка шоколаду и полбутылки портвейна.

— Не густо, милая Августа. Ну и как же все это распределить? Надо считать, что в самом худшем случае нам придется итти не больше восьми суток. А на них, судя по карте, можно вполне рассчитывать. Поскольку же это выходит на нос в сутки?

— Полбутерброда, одна бисквитка, полпалочки шоколада и по глотку портвейна. Да вот с голубями надо решить еще что делать. Ведь не жарить же их?

— Ну их мы пока понесем, а там видно будет. Итак, прошу вас, маэстро, вперед. Компас в руки и айда. Значит решено: западо-северо-запад. Пошли?

Пошли.

На деле оказалось еще недостаточным решения итти. Не больше чем через десять шагов дали о себе знать кое-как упакованные в балластных мешках приборы. Цепляясь за сучья, слезая с плеч, они не давали итти Канищеву, на долю которого выпала эта нагрузка, более легкая, но зато более громоздкая и неудобная. Через какой-нибудь час эти мешки превратились уже в его личных заклятых врагов, бороться с которыми тем труднее, что руки еще заняты корзинкой с голубями.

Так мы идем часа три, кружа между тесно сгрудившимися вокруг нас стволами, поминутно теряя основное направление из-за необходимости обходить слишком глубокие места болота или непроходимые нагромождения древесных стволов.

Эти три часа нас вполне убедили в том, что путь оказывается несравненно более трудным, чем мы предполагали. Надо бросить громоздкую корзинку с почтарами.

— Ну-с, маэстро, давайте решать будем жарить этих птах или выпустим их.

— Голосую за выпуск.

— Возражений нет. Давайте записки.

На старом скользком стволе открывается походная канцелярия.

Под резиновые браслетики на трепетных розовых лапках засунули эти записки.

Подброшенные вверх, обе птицы дружно проделали размашистый круг и взяли направление прямо на Север. Вероятно пошли на Яренск.

ГОЛУБЕГРАММА.

Срочная. Доставить немедленно к первому телеграфному пункту. Всякий нашедший должен вручить местным властям для отправки.

Сели в болоте в треугольнике Сольвычегодск—Яренск-Усть-Сысольск. Думаем, что находимся в районе реки Лупьи или Лалы. Будем идти по компасу на Северо-Запад или Западо-Северо-Запад. Однодневный запас провианта разделили на восемь дней. Идти очень трудно. Выпускаем обоих голубей.

К а н и щ е в. Ш п а н о в.

И почти уверенные в том, что наши птицы дойдут до людей, мы отправились дальше.

Природа против нас. Непрестанный дождь уже успел промочить нас до нитки. Кончилось болото, но зато начался густой бор с беспорядочно наваленным буреломом. Оторопь берет, когда упираешься в кучу наваленных друг на друга стволов. И горизонтально и наклонно лежат двухобхватные великаны, наполовину истлевшие на своем вековом кладбище. Уютный зеленый мошок прикрывает гнилые навалы, куда нога проваливается

выше колена. Мне искренне жаль Канищева, которому вдвое труднее, чем мне, выбираться из таких западней.

Так, с небольшими передышками прем до сумерек. К самой темноте залезаем в какую-то совершенно безвыходную дыру, из которой от усталости уже не можем и выбраться. Со всех сторон из неуютной мокрой темноты на нас глядят навороченные груды стволов, высокие вершины сосен теряются в темнеющем небе. Мой спутник окончательно вымотался. Сквозь хриплое дыхание, почерневшими от жажды губами он заявил:

— Ну, как хотите, маэстро, а я пасс. Больше итти не могу. Давайте здесь ночевать.

Выбрали место между стволом высокой сосны и прильнувшим к ней кустом. Наскоро набранный хворост должен был спасти нас от лежания в воде. Попытка развести костер не увенчалась успехом. Бились с хворостом, с гнилыми щепками и берестой. Все было напрасно. Непрестанный дождь делал свое дело, и намокшее дерево с шипением гасло под струями плакавшего неба.

Усталость взяла свое, и оба заснули. Правда, наш сон не был особенно крепким. Намокшее платье остыло, и холод быстро овладел нашими усталыми телами, которым трудно было отогреться под насквозь промокшей шинелью Канищева. Мое теплое пальто служит подстилкой.

Чуть забрезжил рассвет, мы уже на ногах. Не скажу, чтобы мы отменно выспались, а просто

немыслимо лежать от трясущего точно в лихорадке озноба. Даже натянутый на голову резиновый мешок от карт перестал греть. Решили двигаться в путь. Но сначала поели: по полпалочке шоколада и по глотку портвейна. Канищев взмолился, и решили выпить половину оставшейся у нас бутылки нарзана.

На этот раз несколько удобнее связали имущество, так, что получилось нечто в роде выюка, перекинутого через плечи Канищева. Пошли.

Сегодня для начала пути бурелом нам не кажется уже таким мрачно непроходимым. Даже Канищев довольно бойко нагибается, чтобы пролезть под повисшими на сучьях соседей вековыми стволами и без особых ругательств вытягивает ноги из наполненных холодной ржавой водой ям.

Но наша резвость была недолгой. Уже часа через два мы видим, что, в сущности говоря, чаща ничуть не улучшилась, и итти попрежнему переносно тяжело. Канищев снова начал ругаться.

— Ну, скажите на милость, какой лесий играл здесь в свайку и нагородил эту чортову прорву стволов? Ведь это ж старайся, как лошадь, нарочно такого не наворишь.

Но я не успел подать свою реплику: ноги скользнули вперед, обгоняя мой ход, и я быстро пополз на задку с косогора прямо в об'ятия заросшего камышами болота.

— Легче, Михаил Николаевич. Я с'ехал на лифте этажом ниже. И, кажется, прямо в подвал, судя по сырости.

Ноги уперлись в тинистый берег.

— Ого-го-го, — донеслось сверху призывом, — куда вас унесло... Ау!..

Но мне было не до призывов. У моих ног во все не болото. Желтые листья, пятнистым ковром укрывшие поверхность воды, заметно двигаются в одну сторону: течение.

— Алло, плывите сюда. Речка.

— Ну, что же, одно из двух, или это очень плохо, или очень хорошо. Если нам нужно через нее переправляться, то плохо, если можно итти по берегу, то много лучше. А что какво дно — перейти можно?

— Не думаю, судя по всему тина.

— Ну, а какво направление течения?

— Почти строго на Норд.

— Ну что же, не попробовать ли итти по течению. Вероятно, это или один из притоков значащейся на карте Лупьи или сама Лупья в натуральную величину. Вы какого мнения?

— Какого бы я ни был мнения, а нам в сущности ведь ничего не остается, как только итти по течению, раз мы не можем переправиться. Да, наконец, и есть ли смысл переправляться и снова плутать с компасом по этому проклятому лесу. Не лучше ли итти по реке.

— Пожалуй, и это верно. Давайте попробуем итти по ней. Но только чур, я уж сначала напьюсь здесь вволю и наберем с собой в бутылку воды.

Удовлетворили жажду и, набрав с собой в запас воды, пустились в путь. Итти по берегу оказывается совершенно немыслимым, настолько он зарос и так близко лес подходит к воде. Волей-неволей приходится уклониться от реки в сторону. Еще часа три мы продираемся по бурелому. Местами приходим в полное отчаяние перед невероятными нагромождениями каких-то полуобгорелых, полусгнивших коряг. Но в конце концов добираемся снова до берега. Судя по размерам и по направлению течения, это уже другая река. Вероятно, та речка, которую мы недавно миновали, впадала в эту. Нам ничего не остается, как итти теперь по течению этой новой реки. Размеры ее внушают уже уважение. Если бы мы были в несколько ином настроении, то, вероятно, смогли бы оценить дикую красоту ее берегов.

Из-за тусклой вуали дождя на нас хмуро глядели высокие песчаные обрывы, наполовину заваленные все тем же нескончаемым буреломом. Выбора нет, вероятно, такова уже наша злая участь, подобно медведям продираться прямо перед собой, не считаясь с условиями пути.

Так и пошли. Ветви деревьев, тесно сгрудившихся на нашем пути, любовно цепляются за нас, точно не желая выпускать из своих неуютных объятий. Их гостеприимство не останавливается перед тем, чтобы в кровь раздирать нам лица; хватать за руки и цепко сдирать с них кожу; цепляться за платье с тем, чтобы хоть оставить себе

на память клочечки штанов. Но мы не внимаем их голосу и упорно прем вперед. Прем до последних сил, пока в изнеможении не опускаемся на какой-нибудь особенно неудобный для преодоления ствол.

Скоро наш путь стал несколько разнообразней. Круча берега время от времени сменяется небольшими отмелями с жесткой желтой травой. Это там, где река делает повороты. Отмели пологи и подходят к самой воде. Мы без труда черпаем воду прямо из реки. Это большая отрада.

К вечеру дождь почти перестал. Надо подумать о ночлеге. На наше счастье на одной из отмелей натыкаемся на серый, вероятно, давнишний, стог сена. Какими судьбами его сюда занесло? Вероятно, дровосеки и сплавщики заготовили когда-то, да так и бросили. Сено старое, сопревшее, не видно, чтобы человек занимался им недавно.

С лихорадочной поспешностью я принимаюсь делать в стоге нору для спанья, пока Канищев разводит костер. Весело взвились к темному небу языки пламени, суля немного тепла перед сном. Столбом идет пар от подставленных к огню ног. Платье дымится—точно горит. А, впрочем, быть может, оно и горит. Мы не чуждаемся огня и подбираемся к нему так близко, как только терпит лицо.

Сапоги почти что просохли, но платье совсем безнадежно. Шинель и пальто так пропитались.

У костра так тепло и уютно, что не хочется лезть в нашу тесную спальню. Но дождь отлично знает свое дело. Кончается тем, что он нас заго-

няет в сенную нору. В конце концов в ней не так плохо. Жаль только, что стенки нашего дома чрезвычайно эфирны и каждый поворот Канищева с боку на бок вышибает из стенок спальни по здоровому куску. К утру наша нора продувается насквозь через основательные окна.

Однако, в целом, хотя спальня наша и была до чрезвычайности тесной, но оказалась достаточно теплой, чтобы превратить сырое платье в надежный согревающий компресс. Холод мы почувствовали только тогда, когда вылезли наружу, чтобы приняться за свои полпалочки шоколада и глоток портвейна.

День 15 сентября начинается для нас большим развлечением. Мы увидели около крутого обрыва берега застрявший плот. Решили им воспользоваться для плавания по реке.

Канищев отрекомендовался большим специалистом плотового дела. Мне остается только верить на слово. Сбрасываем с плота несколько бревен верхнего ряда, казавшихся нам лишними, наложили кучу ветвей, чтобы наши пожитки не проваливались в воду и, вырубив несколько здоровых шестов, отправляемся в плавание. Отплытие ознаменовалось общим купаньем: по очереди мы срываемся в воду.

Но теперь не до мокрого платья. Работа с непривычной длинной слегой быстро разогревает, только успевай перебегать с одного борта на другой по команде „капитана“, стоящего на корме и направляющего ход своей жердиной.

Познания Канищева в плотовом деле понадобились нам очень скоро. Через четверть часа мы уже сидим на коряге. И как-то так странно вышло, что мы сидим не носом и не кормой, которые легко своротить, а самой серединой плота, взгромоздившись на сук огромного, позеленевшего бревна, ласково улыбающегося нам своей мшистой поверхностью из-под ряби воды.

— Экая досада какая. Ведь место-то, смотрите, какое глубокое. Ну, да ладно, давайте с левого борта от себя и вперед: Так, так, еще.

Ноги скользят по обзеленевшим краям бревен. Слегка глубоко уходит в песчаное дно, и наклоняешься к самой воде, упираясь в конец шеста наболевшим плечом. Неверный шаг, и летишь вверх тормашками, цепляясь за настил плота, чтобы не выкупаться еще раз на середине реки. „Капитан“ меняет свои распоряжения каждые пять минут. То „слева и вперед“, то „справа и назад“ и так до тех пор, пока мы оба окончательно не выбиваемся из сил. Прошло уже не менее двух часов, как мы двинулись в путь, а пути пройдено всего с полуверсты. Решаем отдохнуть и предоставить плот течению.

Однако, минует срок отдыха. Мы снова полчаса возимся со своими длинными слегами, а плот сидит на коряге. Остается одно: раздеваться и переправляться снова на берег.

Через полчаса мы снова, уже наполовину измотанные борьбой с неподатливой корягой, прем через лес по высокому берегу Лупьи.

Сегодня как-то особенно тяжело итти. Или. может быть, это так кажется после той радостной перспективы спокойного плавания, которую мы себе рисовали, сидя на плоту. Но обувь наша согласна с нами: путь тяжел. Сапог Канищева жадно открывает рот. Вероятно, не от жажды,—воды он получает достаточно. Мои желтые ботинки, давно уже превратившиеся в совершенно белые опорки, тоже дышат на ладан; я с трепетом слежу за хлюпающей подметкой. Когда она отлетит, я должен буду забастовать: босиком итти нельзя.

Если бы еще хоть на часок перестал дождь, а то льет, точно-нанялся. Нам уже все равно—сухи мы или мокры. Хочется подсушить свой багаж только для того, чтобы его немного облегчить. В моем пальто, и вообще-то не слишком легком, теперь не меньше пуда воды. Сняв его на плоту, я уже больше не могу просунуть руки в рукава этой набухшей губки, и после длительного совещания мы приходим к необходимости его бросить. Прощай, одеяло и подстилка. Выбора нет. Тащить пальто это значит не итти самому. Бросаем.

К концу дня я настаиваю на том, чтобы и Канищев облегчил свою ношу. Нужно итти скорее, его приборы нас невероятно задерживают. После настоящей семейной сцены, бросаем, наконец, психрометр Ассмана и альтиметр. У Канищева сразу получается гораздо более компактный тюк. И когда я беру от него все кроме шинели и барографа, на спине его оказывается отличный рюкзак из пудо-

вой шинели, пристроенный ремешками от разных приборов.

Вид наш, вероятно, жалок со стороны. Но на-строение пока еще сносное. Когда я кончаю засу-понивать Канищева в сложную систему ремешков, он довольно крикает и заявляет:

— Ну, теперь, маэстро, совсем другой табак. Хотя мою младую грудь в железо заковали, но дышится свободно и легко. Пошли.

Пошли, но не надолго. Путь нам пересек глу-бокий овраг. И на дне этого оврага, сползши в него почти на карачках, мы обнаруживаем не-широкий, но чрезвычайно быстрый и глубокий пригон Лупьи. Темнокоричневая вода холодна, как лед. Очень хороша для питья, но совершенно не-приемлема для переправы в брод. Да на поверку в брод оказалось и невозможным перейти, так как глубина русла не меньше трех аршин.

Два часа убили на устройство трехсаженного моста из нескольких вырубленных тут же сосен.

Переправившись через этот приток, мы идем уже почти в сумерках. От реки поднимается лег-кий туман и сырость пронизывает все тело. Стогор, которые мы рассчитывали опять найти на отмелях, больше не видно.

Внезапно я проваливаюсь в кучу хвороста и, когда выбираюсь из него, вижу, что стою в десяти шагах от темного силуэта какой-то избушки.

Среди толстых сосен спрятался совершенно прокопченный сруб дровосецкого зимовья. Вместо

крыши, на нескольких бревнах набросана куча валежника. Щит, заменявший дверь, совершенно развалился и выпал из пазов.

Наставив сторожкий луч фонаря, лезу в полутороаршинное отверстие двери и вижу совершенно темную хату, прокопченную так, как бывают прокопчены курные бани в Литве. Скоро причина этого выясняется: посредине зимовья стоит небольшой глинобитный очаг, которому трубою служит все та же дверь. Другого выхода для дыма нет. Пол земляной и залит на вершок водой.

Целый час уходит у нас на то, чтобы устроить постель из валежника на залитом полу. Кроме того, решаем сегодня сушиться и потому запасаем топлива для очага.

Наконец все устроено. Пламя весело перебегает по шипящим веточкам ельника, и белый дым клубами вьется к черному отверстию двери. Сразу делается теплей на душе и весело принимаемся за наш ужин: по полбутерброда.

Сегодня мы можем спать совершенно спокойно. Даже сам Михаил Иванович нам не страшен, так как шестивершковые стены нашей хаты служат надежной защитой, а дверь загорожена поперек здоровенным пнем, прочно заклиненным.

Но с уютом приходит и сознание перенесенных трудностей. Тело точно оттаивает и начинает нестерпимо болеть. Острее чувствуешь боль в совершенно ободранных руках.

— Ну с, маэстро, вы какого мнения?

— О чем это, позвольте узнать?

— Да вот о нашем ночлеге. Ведь это зимовье служит уже показателем того, что здесь бывал человек, а раз так, наши шансы повышаются. Сегодня зимовье, а завтра и деревня. А как вы думаете?

— Не разделяю вашего оптимизма. Судя по всему, в этом зимовье уже, черт знает, сколько времени никто не бывал. А от того, что в прошлом году здесь жили дровосеки и от того, что они, может быть, приедут и на эту зиму, нам сласти очень мало.

— Говоря откровенно, по моему мнению, у нас не больше 25 шансов из ста на то, что мы встретим в этом краю людей. Попробуйте привыкнуть к мысли, что нам придется устраиваться на житье в каком-нибудь таком зимовье и превращаться в настоящих лесных людей. Ведь вон сколько мы видели здесь дичи. Глухари сами лезут в руки. А раз так, значит, мы рано или поздно научимся их ловить и получим в наше распоряжение отличное жаркое.

— Хотелось бы только получить это жаркое раньше, чем мы сами превратимся в жаркое для кого-нибудь другого. А в этом я позволю себе усомниться. А, впрочем, утро вечера мудренее, давайте спать. Ух, черт ее возьми, какая холодная эта шинель.

— Ну, спать—так спать. Да не будет мне бременное ложе сие смертным одром...

Канищев выколотил трубку и теснее прижался ко мне. Не знаю, долго ли мы дремали. Вероятно,

не больше получаса. Нас разбудил отчаянный дым, совершенно заполнивший всю нашу хату. Сырые дрова так дымили, что дым не успевал выходить в дверь и грозил нас задушить. Кончилось наше блаженство у очага. Выбросили головешки за дверь. Утро 16 оказалось для нас еще более ранним, чем все предыдущие. Остаться в промозглом помещении нет никакой возможности. Холод пронизывает до костей.

Когда мы вылезаем в узкую прогалину двери, все становится ясно: почему ночью нас била лихорадка от холода и почему теперь зуб не попадает на зуб. Перед нами стоят совершенно серебряные сосны. Иней блестит на всем, что было кругом, и когда мы идем, под сапогами слетают со стеблей травы настоящие снежинки.

— А знаете—надо пользоваться этим морозом. Вероятно, рябина сегодня более приемлема.

И Канищев принялся за рябиновый завтрак, от которого воздерживался, несмотря на то, что я уже вторые сутки жевал эту отвратительную горько-кислую ягоду. Зато сегодня он отдал дань и рябине.

Этот день прошел, как всегда, в отчаянной борьбе с буреломом, в проклятьях дождю и взаимных попреках: с моей стороны, что Канищев слишком тихо идет, а с его стороны, что нельзя так мчать, как я, если не хочешь выдохнуться. Разнообразие пути было снова создано вставшим на нашем пути притоком, таким же, как первый, глубоким и быстрым. Снова построили мост. Но на

этот раз наша переправа упирается прямо в крутой и очень высокий песчаный обрыв. В самом начале под'ема нам бросаются в глаза большие следы на песке.

— Смотрите-ка, Михаил Николаевич, здесь недавно был человек. Вот ясный след. Как по вашему— сколько времени может след держаться в песке?

— А кто его знает, я не следопыт. Вот молодец-то какой пер здесь. Точно лестницу построил. А ведь комплекция у него была основательная, ишь как промял песок-то.

— Да! Комплекция преосновательная, особенно если учесть, что носок каждого следа кончается совершенно отчетливым рядом здоровых когтей.

— Вы правы. Я бы не хотел встретиться с владельцем этого следа.

С большими трудностями преодолели кручу откоса, и то только благодаря медвежьей тропе.

На следующем роздыхе обнаруживаем невознаградимую утрату: с ременной привязи где-то в чаще у меня сорвало топор. Финский нож Канищева тоже оказался сорванным. Теперь мы остались с голыми руками. Силы убывали. Плечи ломило от ремней. Руки болели до такой степени, что было невыносимо трудно держать палку. Усталость во всем теле дошла до того, что я перестал уже нагибаться за брусникой, услугами которой широко пользовался раньше.

Этот день стоит нам и еще одной большой потери. Мы понесли ее добровольно, от этого она

еще чувствительней. Решили вскрыть барограф. Снять с барабана барограмму, а самый прибор бросить. Так и сделали. Почти со слезами на глазах. Ведь это значило, по регламенту состязаний, нашу дисквалификацию. Но вопрос стал просто: или с барографом сидеть между какими-нибудь гостеприимными стволами, пока не придут зимою люди, или, бросив его, сделать попытку все же выйти к жилью.

На этот раз к ночи мы не нашли уже ни стога, ни зимовья и наскоро соорудили себе шалаш. Зыбкое сооружение из шестов и ветвей. Такое, какое могут соорудить два человека, никакого представления не имеющие о строительстве шалашей и давно забывшие все наставления Фенимора Купера и Эрнест Сетон-Томпсона. Разрезая ножом крагу на стертой до крови ноге, силился вспомнить советы этого автора, как следует делать мокасины из старых сапог. Так и не вспомнил. Заснул у костра с зажатым в кулаке пистолетом. А Канищев вооружился... аккумуляторным фонарем. Это оружие он считал самым надежным.

— Пусть-ка любой медведь полезет. Как засвечу в морду, будет версту бежать, болея своей родовой болезнью.

Сегодня небеса нас пожалели. Дождь перестал, и у костра, который мы по очереди поддерживаем почти до утра, отлично обсохли и обогрелись. Это самая лучшая ночь. На высоком обрыве, над самой рекой, темною лентой уходящей в наше не-

ведомое будущее. Может быть к людям; а может быть, наоборот, куда-нибудь в далекие дебри, где нам действительно суждено стать лесными жителями.

К утру семнадцатого сентября наша ноша стала относительно легкой. Не стало даже и той поклажи, с которой бы мы никогда не расстались добровольно: топора и бутылки. Но итти от этого легче не стало. Ноги двигаются как-то машинально, и препятствия кажутся еще более суровыми и непреодолимыми, чем раньше. Канищев совсем насупился.

— Вот что я вам скажу, нет никакого смысла растрачивать силы. Если мы сегодня не встретим жилья или, просто, людей, дальше я не иду. Надо попробовать раздобыть настоящей пищи. Глухаря какого-нибудь убить, что ли. Поедим, отдохнем день-другой, а там будет видно что делать.

Но, думаю, он и сам не хуже меня понимал, что это только несбыточные мечты голодного человека. Никакого глухаря мы убить не могли, имея в запасе всего восемь патронов в пистолете. В таких условиях стрельба по летящей птице была бы пустой тратой зарядов. Надо было итти. И мы шли. Медленно, едва продвигаясь в отчаянной чаще. Шли уже почти без надежды увидеть людей.

Скупое посветившее солнце снова закрылось вуалью мелкого дождика, и скоро мы снова до нитки промокли. Но вот во второй половине дня мы один за другим встретили несколько стогов. Эти стога свежее того, в котором мы ночевали третьего дня. Вероятно, люди были здесь этим

летом. Вот на отмели лежит и полусопревшее, ещё не убранное сено. Это пахнет уже человеком. А его все нет как нет.

— Ого-го-го... ого-го...

— Но лес угрюмо молчит, возвращая нам только наше же эхо.

— Ну, знаете что, маэстро? Довольно. Погуляли и будет. Я готов ко всему. Сдыхать, так сдыхать, а больше итти нету сил.

— Ну, Михаил Николаевич,—это к чорту. Надо итти.

— Идите, если вам хочется, а по-моему гораздо лучше передохнуть. Вчера я вам говорил о двадцати пяти шансах из ста на встречу с людьми, а сегодня я не назову и пятнадцати.

С такими перспективами в голове спускаюсь к реке за водой и...

— Михаил Николаевич, дым на той стороне... Эге ге... Эй, люди!...

Молчание. Но дым,—не галюцинация. Это столбик самого реального дыма. Дым сам не рождается. Там должны быть люди.

— Ого-го...

Не сразу даже можем оценить всю приятность вида мальчишки, выбегающего из-за прибрежных кустов на той стороне реки.

— Эй, мальчик! Что это за река?

Желание знать, где мы находимся, берет верх над всем.

— А Лупья.

Ага, значит ориентировка верна.

— А кто вы, мальчик?

— Хресьяне.

— Ты здесь один?

— Не, не один.

— Батька есть?

— Есть.

— Позови батьку.

Мальчишка подумал, повернулся и ушел в лес.

Мы в полном отчаянии, и принимаемся снова звать. На крики он снова выходит на берег.

— Цаво?..

— Батьку-то позови.

Парень, точно нехотя, поворачивается к виднеющемуся из-за куста шалашу и кричит:

— Тять, а тять, беглые клицут.

Вышел мужчина в серой домотканной одежде с большим топором у пояса.

Переговоры наши длятся недолго. Через час готов плот, и мы уже сидим на том берегу у костра Павла Тимофеевича Серавина, крестьянина деревни Ржаницинской. Он пришел сюда накануне косить. Пришел косить? Значит, деревня рядом?... Ничего подобного, до деревни отсюда 12 верст на-прямик, а если рекой итти, берегом, так на два дня пути хватит.

Павел Тимофеевич говорит много и быстро, но понимаю я очень немного. Ч вместо Ц, а Ц вместо Ч путает ухо.

Канищев сразу же занялся своей излюбленной темой. Расспросив крестьянина кое о чем, он меня посвящает в историю этих краев:

— Вы знаете, это—самый чистый русский народ какой, вероятно, у нас сохранился. Заметьте, здесь никогда не было крепостного права. Полная самостоятельность и независимость всегда отличали этот край. Теперешняя Северо-Двинская губерния, а прежде Вологодская, сохранила все черты оригинальной северной культуры.

— Это вы верно, отозвался хозяин, крепостного права здесь никогда не бывало. Только вот прежде по Вычегде здесь все сидели Строгановы. Но мы все равно были вольными.

Отдохнув немного, мы пошли. Впереди наш новый хозяин с огромным берестяным коробом на спине, в хвосте его сын в такой же, как отец, домотканной одежде и с таким же длинным топором на боку. Шли мы ускоренным шагом всю остальную часть дня. Долги двенадцать северо-двинских верст. Уже совсем темно, когда добираемся, наконец, до деревни.

— Ну и версты ж у вас, Павел Тимофеевич!

— А что, версты они у нас не меряны. Так ведь по ходу считаем. Может статься и так тут маненький есть.

— Да на двенадцать-то верст гаку не меньше шести.

— Все может быть.

Но, наконец, мы в просторной, светлой избе. Жилье во втором этаже высокого дома. Внизу—кла-

довые. Хозяйка, куча ребят, испуганно глазающих на нас из-за печки, все носит следы домовитой опрятности. Это не то, чего ждали мы в этой глуши.

Сбросили платье и сдали хозяйке. Сушится. Скоро на столе шумел самовар и с шестка глядела на нас сковородка большими желтыми очами шипящих яиц.

Много рассказал нам хозяин о том, как живет здесь народ. Трудно, с надрывом даётся здесь хлеб человеку. Мало земли. Кругом леса и болота. Хлеба своего нехватает. Сено везут за десятки верст. Чтобы выработать на жизнь, идут зимой на лесозаготовки Северолеса. Получают по полтиннику с пятивершкового ствола. С валкой, вывозкой и разделкой на берегу. А за сплоченье и сплав — еще по двугривенному. В зиму выходит по двести стволов с человека. Рублей полтора ста. Харч свой. Жилье тоже свое. Вот в таких зимовьях, какое попало нам, и живут.

— А почему же вы не строите в зимовьях печей настоящих с трубами? Ведь в таком может дым просто задушить.

— А простая печька нам не годится. Мало тепла от нее. День ведь деньской по пояс в снегу, а весной и во льде вороцаешься. Ввечеру, как придешь, тела не цуешь точно цужое. У печи простой и просохнуть не можно. А такой вот оцаг, как у нас, жару дает много больше. Ну, Миколай Миколаиц, цайку-то есцо стаканчик.

И хозяин цедит мне из самовара остатки на десятый стакан.

Изба набивается полным - полнешенька. В деревне всего восемь дворов, но народу в них чуть не сотня душ. Мужики—народ все здоровый, степенный. Разговор ведется серьезный. Расспросы больше о том, зачем мы летали, да как? Сели зачем в таком медвежьем углу? Удивление общее, что выбрались целы из лесу. Кишмя кишит, по словам крёстьян, медведями. Грамотных здесь почти нет. Только те, что бывали на службе. Зато все знают компас.

— Во компас-то у вас был, это ладно, а то бы не выйти из лесу.

— А вы разве знаете компас?

— Обязательно. У нас у артели свой. Старый вот только, деревянный еще. От дедов достался.

Газета бывает здесь иногда у брата хозяйского, Зотей Тимофеича. Но про Авиахим ничего не слышали. С'импровизировали доклад.

Ночью простились с хозяевами и в лодке отправились на другую сторону Вычегды в Сойгу ждать парохода.

— А когда он здесь ходит?

— Сказать затруднительно. Вот сегодня прошел, например, тот, что должен был итти третьеводнись. Может завтра пойдет, а может статься и не пойдет. Да там подождете. Там у Яков Иваныча дом преотличный. И харч он вам приготовит.

Действительно, дом оказался у Якова Ивановича преотличный. Два этажа. Зимний и летний. Чистота—все блестит. Жили здесь два дня до паро-

хода. Отсюда же и телеграмму справили в Москву с нарочным на телеграф за пятнадцать северо-двинских верст. По карте выходят все двадцать пять.

А потом поплыли по Вычегде на стареньком скрипучем, совсем не похожем на шефа, „Льве Троцком“. На палубе громоздились зыряне с лайками, востроносыми крепкими псами. На Урал за охотой. А в буфете первого класса, куда нас, оборванных и грязных, пустили с явной опаской, заразительно вкусно плескается в стаканах кофе со сливками и разносится запах ветчины, зажаренной с луком. Все было в порядке.

Разноцветное поле разложенной на столе карты безобидно глядит на нас зелеными узорами лесов. Все в ней так просто и ясно. Курсовая черта твердой черной стрелой упирается в излучину Лупьи. Всего каких-нибудь два дюйма, не больше, отделяют место посадки от жилья. И на этих двух дюймах мы пять суток боролись с лесными зава-лами, плотной стеной вставшими между нами и жизнью. Все далеко. Приключение кажется просто интересной темой для журнальной статьи. Только подсохшие ссадины рук да гнойная рана ноги говорят о том, что борьба была не такою уж легкой, и победой над этими дюймами мы можем гордиться.

Но интересны не ссадины и не рана. Даже не эти два дюйма борьбы сейчас нас волнуют. Больше всего занимает вопрос: а где остальные? Кто пролетел дальше всех? Скорей бы добраться к газетам.

Издательство „АВИАХИМ“

МОСКВА-Центр, Никольская, 17

Телефоны: 2-08-14 и 1-56-24

На складе Издательства имеются:

Цена:

- Инж.-мех. И. М. /Либинсон. «Химия в войне»
с 25 рис., стр. 48 — р. 30 к.
- Инж.-мех. И. М. Либинсон. «Химия в сельском
хозяйстве» (минеральные удобрения) с 19 рис.,
стр. 48 — » 30 »
- Умберто Нобиле. «Полет через полярные обла-
сти» (пер. с итал.) с рис., стр. 59 — » 30 »
- Инж. С. Л. Либинсон. «Химическая промышлен-
ность—база химической обороны» с рис.,
стр. 24 — » 15 »
- Проф. В. П. Кочетков. «Химия на службе кре-
стьянину». Руководство к удобрению земли
главн. минеральн. туками: фосфоритная мука,
костяная мука, суперфосфат, известь. Ин-
струкция к постановке простейших опытов
с удобрениями. Стр. 44 — » 20 »
- Я. Л. Авиновицкий. «Противогазы, их устрой-
ство и применение». С предисловием Зам-
предреввоенсовета СССР и Председателя
Бюро Президиума Авиахима СССР И. С. Ун-
шлихта. С рис., стр. 66 — » 30 »
- К. Вейгелин. «Авиационно-воздухоплавательный
словарь». Под редакцией С. Покровского,
стр. 140 — » 60 »
- А. А. Горяинов. «Как бороться с домашними
паразитами и грызунами», с 20 рисунками,
стр. 48 — » 20 »
- Авиахим. «В чем его задачи и как он их выпол-
няет». Наказ-памятка для отпускников . . . Бесплатно
- Инструкция по борьбе с грызунами »
- Я. Л. Авиновицкий. «Как они разоружаются»
(По поводу Женевской конференции по раз-
оружениям), стр. 28 — р. 10 к.

Цена:

- Авиахим.** «В чем его задачи и как он их выполняет». Наказ-памятка для студентов-отпускников Бесплатно
- В. Зарзар.** «Авиахим». 2-е исправл. и доп. изд. с рис., стр. 52 — р. 15 к.
- Молодежь — в школы Красного Воздушного Флота.** Сборник статей о подготовке и психо-физиол. отборе военн. летчиков с описанием условий приема в Воен. Теоретическую Школу ВВС и программами вступит. испытаний, стр. 28 — » 15 »
- Ячейка Общ. Друзей Авиахим.** Положение и инструкция Бесплатно
- Е. Д. Шекунов.** «Как построить летающую модель». Руководство для модельных кружков Авиахима, с многочисленными рисунками, стр. 142 1 р. — к.
- Карта (большая).** «Большие советские перелеты 1926 г.» — » 50 »
- Карта (малая).** «Большие советские перелеты 1926 г.» — » 10 »
- Плакат.** «Что ты сделал для заграничных перелетов Авиахима?» Бесплатно
- Плакат.** «Авиахим—опора мирного труда» »
- Н. Н. Фадеев.** «Аэродинамический расчет планера», 93 черт. и 17 таблиц приложений, стр. 173 1 р. 80 к.
- Н. А. Сошественский.** «Какую пользу может принести химия крестьянину». С рис. — » 08 »
- Д-р А. П. Савельев.** «Первая помощь пострадавшим при воздушно-химическом нападении» — » 25 »
- Н. Фаусек.** «Рекордные летающие модели» — » 30 »
- А. Г. Шмелев.** «Безмоторное летание», стр. 186 1 » 50 »
- А. А. Горяинов.** «Химия в борьбе с вредителями и болезнями растений». С рис., стр. 196 — » 40 »

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва-Центр, Никольская, 17,
Издательству „АВИАХИМ“

Примечания

1. Текст книги Н. Н. Шпанова «Наш полет в лесные дебри» приводится по изданию: Ник. Шпанов Наш полет в лесные дебри. С предисловием И. А. Фельдмана. — М: Издательство Союза Авиахим СССР и Авиахима РСФСР, 1926, 48 стр., тир. 3 т. экз. Название описано по титульному листу, на обложке указаны следующие данные: Н. Шпанов «Полет в лесные дебри» — М: Издательство «Авиахим», 1926.

Данная книга является первой книжной публикацией художественного произведения Н.Н. Шпанова.

2. Журнальная публикация данного текста была в журнале «Всемирный следопыт» (1926 г., №12, стр. 16-33) под заглавием «Рассказ участника полета Н. Н. Шпанова “Затерянные в лесах. Приключения русских воздухоплавателей” с рис. В. Голицина, по зарисовкам автора рассказа».

3. В середине 50-х годов Н.Н. Шпанов для переиздания переработал данное произведение, дополнив сюжет и изменив название на новое: «Красный камень». Приведу слова автора из переиздания 50-х годов, поясняющие, как появилось это новое название:

«И тут я достал из кармана и отдал ему сафьяновый томик Шекспира. Это не тот, это мой, но он почти так же хорош, как подаренный мне на берегу Лупьи. А тот, заветный, на переплете которого остались следы болотной воды и в алый сафьян которого въелась жирная копоть костров? Вот уже тридцать лет стоит он в моем шкафу за стеклом, хранится так, как если бы надпись на первом его листке сделал сам Шекспир. Ведь он был вместе с нами! Да, да, что бы мне ни говорили — он был с нами. Разве это не он мок в болотах, коптился у костров, ел бруснику? И потому никогда не расстанусь я с этой книжечкой. Она как красный камень на дороге моей жизни, камень, у которого я и свернул сюда, в литературу...»

В «Красном камне» профессор М.Н. Канищев, после того, как воздухоплаватели потерпели крушение в лесу, время от времени читает сонеты Шекспира. В первом издании ни Шекспира, ни сонетов нет.

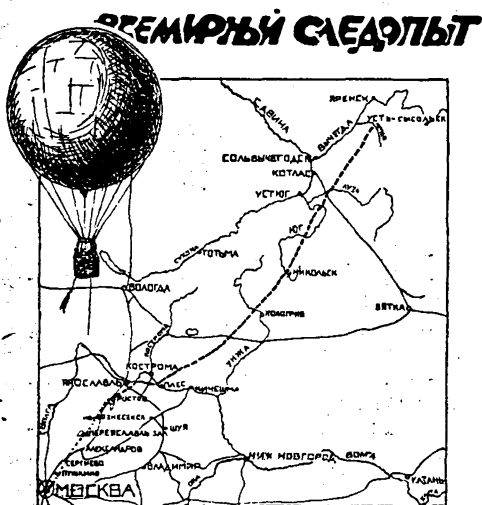
4. Предисловие к книжке написал И. А. Фельдман.

Вероятно (так как имя и отчество не указаны, только инициалы), это Фельдман Илья Александрович, о котором удалось найти следующие (довольно скудные) сведения:

Фельдман Илья Александрович (1894, Ковенская губ., с. Шавли — 1938.04.08) еврей, авиаработник, житель: г.Москва. Арест: 1936.11.01. Осужд. 1938.04.07. Военная коллегия Верховного суда СССР. Расстр. 1938.04.08. Место расстрела: г.Хабаровск. Реаб. 1956.03.17 По определению ВК ВС СССР, основание: за недоказанностью обвинения. Был начальником «Дирижаблестроя» в 1932-1934 г.г.

5. Установить дополнительные сведения, кроме тех, которые сообщаются в очерке, о профессоре Военно-воздушной академии Михаиле Николаевиче Канищеве не удалось.

6. Ниже приводится карта полета аэростата «Союз Авиаким» из журнала «Всемирный следопыт» (1926 г., №12, стр. 18).

Карта полета аэростата «Союз Авиаким». Маршрут перелета указан пунктиром от Москвы до р. Лупы (южнее Иренска).